

УДК 94(47).03

DOI: 10.17223/18572685/35/3

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ, МИХАИЛ ЧЕРНИГОВСКИЙ И ТАТАРЫ: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг.

М. Димник

Папский институт медиевистики, университет Торонто, Канада
e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

Авторское резюме

Борьба за Галич между черниговскими Ольговичами и владимири-волынскими Романовичами началась в первое десятилетие XIII в. В 1235 г. князь Михаил Всеволодович решил, что настало удобное время захватить Галич. После победы при Торческе он сумел занять и Киев и Галич. Ольговичи одержали и военную, и дипломатическую победу над Романовичами. Однако решающим фактором, из-за которого Михаил не сумел удержать контроль над Юго-Западной Русью, вероятнее всего, было татарское нашествие. Михаил не смог организовать защиту русских земель против татар, так как другие князья отказались присоединиться к нему. Тем временем Даниил заключил с татарами договор и укрепил свои позиции. В 1245 г. он отправился в Сарай к Батыею и получил там ярлык на галицкое княжение. Это лишило Михаила последней надежды вернуть Галич.

Ключевые слова: Галицкая Русь, Даниил Романович, Михаил Всеволодович, летопись, татарское нашествие.

Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: The Struggle for Galicia in 1239 - 1245 years

M. Dimnik

Pontifical Institute of Mediaeval Studies, University of Toronto, Canada
e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

Abstract

The rivalry for Galich between the Ol'govichi of Chernigov and the Romanovichi of Vladimir in Volyn' began during the first decade of the thirteenth century. In 1235 prince Mikhail Vsevolodovich judged that the time was propitious for him to occupy

Galich. After his victory near Torchesk, therefore, Mikhail occupied Kiev and Galich. The Ol'govichi also achieved diplomatic in addition to military victories over the Romanovichi. The Tatar invasion of Ryazan' in the winter of 1237/8 was probably the most important reason why Mikhail failed to maintain his hold over southwestern Rus'. Mikhail was unable to organize a consolidated defense against the expected Tatar attack because the other princes refused to join him. Meanwhile, Daniil, having concluded peace with the Tatars, strengthened his position. In 1245 Daniil visited Saray and Khan Baty gave him the yarlyk to rule Galich. His action quashed any hope Mikhail may have had of repossessing the town.

Keywords: Galicia, Daniil Romanovich, Mikhail Vsevolodovich, chronicle, Tatar invasion.

В 1238 г., после нескольких лет борьбы с Ольговичами, Даниилу Романовичу вновь удалось занять Галич. По-видимому, неслучайно это произошло после того, как зимой 1237–1238 гг. Рязанское и Ростовско-Суздальское княжества были разорены татарами. Лишившись Галича, Ольговичи не предприняли никаких попыток восстановить над ним свой контроль. Вместо этого Ростислав Михайлович, потеряв Галич, отказался от дальнейшей борьбы и бежал в Венгрию. В свете неизбежного нападения татар на Чернигов и Киев Ростислав понимал, что отец Михаил Всеволодович, глава клана Ольговичей, просто не сможет предоставить ему войска, необходимые для защиты Южной Руси. Следовательно, если он хотел получить какую-то помощь в борьбе с Даниилом, более многообещающим было обратиться за ней к венгерскому королю Беле IV.

После бегства Ростислава в Венгрию борьба за Галич, по крайней мере, с точки зрения Ольговичей, на какое-то время приостановилась. Нападение на Русь татар заставило Михаила защищать собственные наследственные владения. Ольговичи продолжали как-то сопротивляться вплоть до октября 1239 г., когда пал Чернигов¹. Мы знаем, что, после того как татары разграбили город, они заключили мир с тремя русскими князьями - Владимиром Рюриковичем Смоленским, Даниилом Романовичем Волынским и двоюродным братом Михаила - Мстиславом Глебовичем Черниговским. При этом летописи детально рассказывают нам о том, что добиться соглашения с Михаилом в Киеве Батью так и не удалось. Он единственный из всех старших князей отверг условия хана. Как следствие, перед лицом татарской угрозы, не сумев найти среди русских князей союзника для сопротивления захватчикам, зимой 1239 – 1240 гг. Михаил, так же как и его сын, был вынужден бежать в Венгрию².

Там он попытался склонить короля Бела IV к заключению брака между его дочерью и Ростиславом. Однако, учитывая плачевное положение, в котором находился Михаил, Бела IV не увидел в этом союзе

слишком больших выгод для себя и отказался. Этот отказ означал окончательное уничтожение надежд Михаила на восстановление хотя бы части той военной силы, которую он потерял после капитуляции Чернигова и отпадения Галича. К несправедливости добавилось и оскорбление: король вынудил Михаила и Ростислава покинуть Венгрию. Они отправились к Конраду Мазовецкому, дяде Михаила³.

Не преуспев в заключении союза с венграми, Михаил, не имея другого выбора, попытался примириться с Даниилом. Потеря им Галича, разрушение Чернигова, бегство из Киева и последовавшая за этим оккупация города Даниилом, который оставил там своего воеводу Дмитрия для защиты Киева от врагов⁴, изменили политические отношения, которые с 1235 г. существовали между ним и Даниилом. Тогда победа Михаила заставила Даниила бежать за помощью в Венгрию. Татарское нашествие поменяло их ролям: теперь беглецом, ищущим поддержки, стал Михаил.

Следовательно, в 1240 г. с позиций силы мог говорить уже Даниил. Он не только контролировал Киев и Галич (тем самым успешно оспорив контроль Михаила над Южной и Юго-Западной Русью), но и «берег» жену Михаила. В 1239 г. Ярослав Всеволодович Владимирский, напав на Каменец, взял в плен находившуюся там жену Михаила. Позднее Даниил уговорил его передать княгиню ему, так как он приходился ей родным братом⁵. Михаил оказался в весьма сложном положении. Из Польши отправил к шурина послы с предложением мира. Он признавал, что не раз вел себя несправедливо и нарушал обещания, данные Даниилу. Объясняя свои поступки, Михаил утверждал, что всякий раз, когда он хотел примириться с Даниилом, «неверные галичане» не позволяли ему этого сделать. Тем не менее теперь Михаил готов был поклясться, что впредь не станет злоумышлять против него. Даниил принял это предложение, вернул Михаилу его жену, согласился передать ему Киев и дал Ростиславу город Луцк в Волынском княжестве⁶.

Летописец не объясняет, почему Даниил так быстро вернул Михаилу Киев. Однако можно предположить, что он сделал это, понимая, что тот не станет в будущем претендовать на престол в Галиче. Такой вывод можно сделать и на основании того, что Даниил компенсировал Ростиславу утрату Галича передачей ему важного города Луцка, расположенного в его собственном Волынском княжестве. У Михаила не было другого выхода, кроме как принять без оговорок все предложенные ему условия. Он не вернулся в Киев, а остался жить в качестве гостя во владениях Даниила⁷. Очевидно, что Даниил сумел наиболее выгодно воспользоваться сложившимся моментом и извлечь максимальную выгоду из того, что татары еще не разорили его земли.

Щедрость Даниила по отношению к Михаилу показывает, что он не только наслаждался триумфом над поверженным соперником, но и верил в то, что его землям не грозит татарское нашествие. Именно страх перед татарами не позволил Михаилу в 1240 г. вернуться в Киев. Даниил, однако, не проявлял ни малейших следов подобных опасений. Он даже не стал укреплять свои владения от возможного нападения⁸. В то время, когда новая татарская атака казалась Михаилу неизбежной (после падения Чернигова и в свете постоянного продвижения татар на запад), Даниил оставил свое княжество и отправился в Венгрию. Судя по летописной информации, его визит, в отличие от визита Михаила, не имел никаких признаков срочности. Несомненно, прекрасно зная о том, что Михаилу не удалось получить помощь от короля и создать здесь брачный союз, Даниил сам решил испытать удачу и предложил выдать дочь Белы за своего сына Льва. У Даниила были все основания рассчитывать на успех, так как, в отличие от Михаила, он в данном случае выступал с позиции силы. Подобный союз с королем Белой IV был бы чрезвычайно важной победой в борьбе Даниила с Михаилом.

Татары захватили Киев 6 декабря 1240 г., когда Даниил находился в Венгрии. Хотя они и взяли в плен раненого в бою воеводу Даниила Дмитрия, летописец объясняет, что татары сохранили ему жизнь «ради его храбрости». Из Киева хан направился дальше на запад, через земли Галиции и Волыни. По пути он захватил города Колодыжен и Каменец, но не смог занять Кременец и Данилов. Владимир был взят после штурма, и, как сообщает летопись, разрушены Галич и «множество других городов»⁹. Наконец Дмитрий посоветовал Батю выступить на Венгрию. Он предупреждал хана, что, если татары останутся в Русской земле, они не смогут вернуться домой, так как земля эта была сильной и способной восстать против них. Летописец объясняет, что Дмитрий советовал все это Батю, потому что видел гибель Русской земли под ударами татар, и далее уточняет, что хан внял этому предостережению.

Новости о катастрофе, однако, не достигли находившегося в Венгрии Даниила. После того как король отверг его матримониальный проект, князь отбыл на Волынь. Только встретившись с беженцами, спасавшимися от продвигавшегося вперед противника, он узнал о несчастье, свалившемся на его княжество. Рассудив, что с небольшой дружиной ему не удастся безопасно миновать надвигающееся татарское войско, Даниил вернулся в Венгрию¹⁰.

То, как летопись описывает отношения Дмитрия с Батием, вызывает определенные вопросы. Кажется, что летописец пытается обелить воеводу и сгладить сложности его отношений с врагом. Так, например, он утверждает, что после взятия Киева татары не казнили Дмитрия

«ради его храбрости». Это объяснение не выглядит убедительным, так как, судя по полному умолчанию летописей, ни один другой военачальник или князь, противостоявший татарам, не был помилован из-за проявленной им храбрости. Например, все рязанские и ростово-суздальские князья, яростно защищавшие свои города от татар, были казнены¹¹. Еще более важным может быть то, как татары обошлись с князем Василько Константиновичем Ростовским. Взяв его в плен, они попытались убедить князя «быти в их воли, и воевати с ними». Когда же тот отказался, его убили¹².

Этот пример показывает, что татары сохраняли жизнь русским военачальникам и князьям не тогда, когда те проявляли особую храбрость или отвагу, а тогда, когда они принимали предъявляемые им условия и становились союзниками татар. Доказательством может служить летописное известие под 1239 г. Как мы уже видели, тогда договор с татарами заключили три князя: Владимир Рюрикович, Даниил Романович и Мстислав Глебович. Показательно, что татары не убили их, вероятно, именно потому, что князья приняли их условия. Следовательно, когда летописец пишет, что Дмитрий не был казнен «ради его храбрости», более верным кажется предположение, что, в отличие от Василько, он капитулировал перед требованиями татар и согласился сотрудничать с ними. Или же, что выглядит еще более убедительным, он действовал в соответствии с тем соглашением, которое годом ранее было заключено между татарами и Даниилом.

Более того, информация о том, что Дмитрий сопровождал татар в Галицию и на Волынь, предполагает, что он находился у них на службе. Так как он был воеводой Даниила, остается мало сомнений в том, что татары использовали его военные познания для опустошения Южной и Юго-Западной Руси. Согласно имеющимся у нас данным, татары по пути к Волыни разграбили Колодыжен и Каменец. Когда, однако, они подошли к Кременцу и Данилову, которые были городами Даниила в Волынском княжестве, Батый, по словам летописца, «увидел», что не сможет их взять. На самом деле, судя по всему, он даже не пытался их атаковать. Трудно поверить, что укрепления двух маленьких городков помешали хану начать атаку. Особенно если мы вспомним о том, что в его распоряжении тогда находились весьма внушительные военные силы. Вероятно, настоящей причиной такого решения был договор, заключенный им с Даниилом. Это подтверждает и то, что Батый взял Колодыжен, принадлежавший Киевскому княжеству, и то, что он разорил Каменец, где, как мы помним, правил союзник Михаила Изяслав Владимирович. Разрушение Батыем городов во время этого похода на запад, как представляется, было выборочным. Например, он пощадил земли болоховских князей, так как хотел, чтобы те снабдили татар пшеницей и просом.

Удивительно, что летописец называет только два города, захваченных татарам в землях Даниила, – Галич и Владимир¹³. При этом завершает он свой рассказ – достаточно внезапно! – словами о том, что разрушено врагом было «множество других городов»¹⁴. Это заявление также не выглядит убедительным. Трудно поверить, что летописец, вполне возможно, являвшийся уроженцем Южной Руси, не смог назвать хотя бы еще несколько городов, если бы они на самом деле были разрушены. Мало сомнений в том, что татары грабили Волынское и Галицкое княжества для того, чтобы добыть себе провизию. Однако, кажется, что у нас нет доказательств, которые могли бы навести на мысль о разрушении ими там «множества других городов». Более того, если доверять свидетельству летописца и учитывать тот факт, что воевода Дмитрий мог давать некие советы Батыю, следует предположить, что эти советы давались во благо Даниила. Попытки летописца выгородить Дмитрия будут лишь подтверждать такое наблюдение. Так как Дмитрий не осуждается за сговор с врагом, можно предположить, что он помогал татарам, имея в виду интересы своего князя. Он, несомненно, давал Батыю советы, которые бы способствовали ослаблению остававшихся на Руси врагов Даниила. Более того, он пытался, причем с очевидным успехом, уберечь волынские земли от той судьбы, которая постигла Чернигов и Киев.

Едва ли Даниил поступил бы столь опрометчиво и оставил свои земли без укреплений и верховной власти, если бы на самом деле ожидал татарского нашествия. При этом нельзя сомневаться в том, что его небрежность и отстраненность от тех процессов, которые происходили на Руси в условиях постоянной татарской угрозы, были намеренными. Только лишь по одной причине он мог вести себя столь уверенно и чувствовать себя в безопасности – если сам он был гарантирован от нападения. Должно быть, в 1239 г., при заключении договора, Даниил получил от татар некие гарантии такого иммунитета¹⁵.

Даниил, в отличие от Михаила, просчитался, когда поверил обещаниям татар. Киев пал, вскоре после этого татары разорили и его Волынское княжество. В таких условиях уже не только Михаилу и его сыну Ростиславу пришлось бросить Волынь и во второй раз бежать к Конраду Мазовецкому¹⁶, но и сам Даниил был вынужден искать убежище. Он вновь отправился в Венгрию, где оставил в руках галицких бояр своего сына. Летописец объясняет, что «он знал их неверность и потому не взял его (Льва. – М.Д.) с собою». Затем Даниил отправился в Мазовию, где получил от Болеслава, сына Конрада, Вышегород. Там он и оставался до тех пор, пока татары не покинули русские земли¹⁷. Таким образом, татары не только дали Даниилу временное превосходство над Михаилом, разорив осенью 1239 г. Чернигов, но

и сами же потом это превосходство уничтожили, напав на Волынь и вынудив Даниила спасаться бегством. Исход военной и дипломатической борьбы за Галич между Михаилом и Даниилом, оказавшимися в роли беглецов и нашедшими временное спасение в польских землях, вновь оказался под вопросом.

Согласно сведениям источников, прежде чем отправиться в Польшу, Даниил предпринял определенные меры предосторожности для обеспечения лояльности части галицких бояр, бежавших в Венгрию от татарской угрозы. Зная их «неверность», в качестве своеобразного залога он оставил на их попечение своего сына Льва. Этот тактический ход был направлен на то, чтобы после ухода из Волыни татар Лев вернулся из Венгрии к отцу вместе с галицкими боярами¹⁸. Любопытно также отметить, что из Венгрии Даниил бежал именно к Болеславу, а не к Конраду в Мазовию, где уже находился Михаил. Как мы отмечали выше, Даниил подговорил литовцев под началом князя Миндовга напасть на земли Конрада. В 1241 г., очевидно, Даниил и Конрад находились в состоянии вражды. Михаил же сумел сохранить союз, который заключил с Конрадом в 1236 г. Это следует, по крайней мере, из того, что правитель Мазовии предоставил беглому князю убежище в своих землях. Тем не менее польское убежище Михаил с семьей вскоре были вынуждены покинуть. Когда татары приблизились к Мазовии, они попытались укрыться в Силезии, а обратно смогли вернуться только после того, как 9 апреля 1241 г. татары сошлись в битве при Лигнице с Генрихом II Набожным, герцогом Силезии¹⁹.

Таким образом, на Русь Михаил с семьей вернулся не раньше апреля 1241 г. Он прошел через Владимир-Волынский, хотя Даниила там и не было, а затем через Пинск проследовал к Киеву²⁰. Хотя Михаил и прошел через Пинск, не следует искать здесь каких-то политических мотивов или предполагать, что Ростислав Владимирович, князь Пинска, был его союзником. Скорее всего, выбрав путь через Пинск и реку Припять, Михаил следовал обычным маршрутом из Польши в Киев. Даниил, однако, выражал опасения относительно этого визита и возможной дружбы между Михаилом и Ростиславом. У него были основания с подозрением относиться к этим двум князьям, так как по большей части именно из-за подстрекательств Ростислава Михаил и Владимир Рюрикович напали на него в Каменце в 1228 г.²¹ Летописец с облегчением констатировал, что Ростислав сам решил посетить Даниила в Холме, где тот находился, дабы показать, что никаких заговоров против него он не плетет. Михаил же, по мнению летописца, проявил неуважение по отношению к Даниилу, не встретившись с ним лично. Финалом этой длительной одиссеи стало возвращение Михаила в Киев и принятие власти над Черниговом его сыном Ростиславом²².

Известие о том, что Ростислав вернулся в Чернигов, а не в Луцк, который был обещан ему его дядей Даниилом в 1240 г., указывает на то, что Михаил больше не чувствовал себя связанным клятвой, которую некогда дал Даниилу. Отвергнув Луцк, Ольговичи фактически заявили о своем намерении возобновить борьбу за Галич. Однако, вернувшись в Киев, Михаил не принимал больше активного участия в галицких делах. Теперь главным участником борьбы за Галич со стороны Ольговичей стал его сын Ростислав. Михаил же оказывал ему в этой борьбе всяческую поддержку.

На время татарского нашествия черниговские и волынские князья были вынуждены приостановить борьбу за галицкую землю, а вот противоборствовавшие боярские группировки продолжали действовать весьма активно. Оказавшись без князя на то время, что Даниил провел в качестве беженца за границей, они присвоили его роль себе. Верх в этом «самостоятельном правлении» одержали сторонники Ольговичей. Их положение оказалось более выгодным, поскольку, как мы уже отмечали выше, многие сторонники Даниила бежали в Венгрию и оберегали там его сына Льва.

В итоге княжеская власть оказалась в руках Доброслава Судьича. На правах князя он распределял землю между боярами, бежавшими из Чернигова, тем самым упрочивая в Юго-Западной Руси позиции сторонников Ольговичей. Кроме того, он конфисковал город Бакоту на Днестре и окружавшее его Понизье, составлявшие южную периферию Галицкого княжества²³. Благодаря этому он установил контроль над Коломаем на реке Прут, доходы от богатых соляных запасов которого были важным источником финансирования княжеского войска²⁴. Даниил проклинал Доброслава за то, что тот урезал доставлявшееся князю количество соли. Следовательно, значительное количество ее должно было отправляться куда-то еще, возможно, в Чернигов²⁵.

Еще одним боярином, интриговавшим против Даниила, был Григорий Васильевич, бывший галицкий дворский князя Ростислава Михайловича. Он попытался захватить ту часть Перемышля, что находилась на левом берегу Сана и, вероятнее всего, принадлежала сторонникам Даниила²⁶.

Так в 1240-1241 гг. контроль Даниила над галицкой землей был подорван из-за анархии, установившейся вследствие интриг Доброслава и Григория. Летописец отмечает очень сильные антикняжеские настроения обоих. Он пишет, что даже тогда, когда они спорили друг с другом, в одном всегда сходились: они не желали подчиняться Даниилу и хотели «землю его передать другому князю»²⁷. Хотя этого «другого князя» летописец и не называет, нет сомнений в том, что им мог быть только кто-то из Ольговичей. Даниил отплатил боярам тем,

что бросил обоих в тюрьму. При этом, однако, его поступок не только не разрешил уже имевшейся проблемы, но и привел к новым неприятностям. Ольговичи использовали его как предлог для очередного вторжения в политическую жизнь Юго-Западной Руси.

Татары нанесли огромный урон русским князьям, но даже это не смогло остановить их от продолжения междоусобной борьбы. После того как Даниил, заключив под стражу Доброслава, восстановил контроль над Бакотой в Понизье, Ростислав Михайлович попытался вернуть ее Ольговичам. Его силы были отбиты Кириллом, печатником Даниила, и Ростиславу пришлось вернуться в Чернигов²⁸. Показательно, что Ростислав попытался захватить именно Бакоту, а не Галич. Вполне возможно, что Ольговичи в период правления Доброслава извлекали из Бакоты немалую прибыль. Особенно если учитывать соляные ресурсы Коломая.

Ростислава в походе сопровождали «остававшиеся галичане» и «князья Болохова». «Остававшиеся» - возможно, те галицкие бояре, которые выступали против Даниила и, избежав репрессий, развернувшихся после возвращения князя из польского изгнания, бежали за содействием к Ольговичам. Наказывая Доброслава, Григория и других непокорных бояр, Даниил, судя по всему, не предпринимал никаких карательных действий против «князей Болхова». Однако, узнав, что они помогли Ростиславу напасть на печатника Кирилла в Бакоте, он принял экстренные меры - вторгся в их земли, захватил богатую добычу, сжег их города и разрушил городские стены. В то же самое время Кирилл с воинами конными и пешими занял один из их городов и оттуда ушел разорять земли Болохова²⁹.

Летописец объясняет, что татары не разорили эти земли, потому что хотели, чтобы «князей Болхова» снабжали их войска пшеницей и просом. Следовательно, Даниил мог относиться к ним негативно уже из-за того, что они слишком надеялись на захватчиков. Кроме того, его гнев могло вызвать и то, что во время нашествия, когда князьям Болхова пришлось бежать из своих земель, он спас их от Болеслава Мазовецкого. Тот не хотел давать им убежище в своей земле, объясняет летописец, потому что они были самостоятельными князьями, а не вассалами Даниила. Они, однако, убеждали Болеслава, что станут его подданными, и в то же самое время просили о помощи Романовичей. Даниил и Василько даже собирались воевать с Болеславом из-за своих соотечественников, но это не понадобилось. Василько преподнес Болеславу множество даров и убедил его освободить князей. И, как заключает летописец, «они же не помнили благодетелей Романовичей, и Бог отомстил им, так что ничего не осталось от их городов и все их было уничтожено»³⁰.

Известия о карательных действиях Даниила против князей Болхова дают нам самое подробное описание их политического статуса, какое только можно найти в источниках. Они были самостоятельными князьями, в политическом отношении независимыми от Даниила. Хотя, исходя из информации о том, что в 1234 г. они осадили Каменец³¹, князя Болхова, хотя и были традиционно враждебны к Даниилу, оказавшись в трудном положении среди поляков, они обратились к нему за помощью. Судя по тому, что он согласился им помочь, Даниил хотел заручиться их дружеским расположением. Они же, судя по всему, не рассматривали эту свою просьбу о помощи в Мазовии как залог обязательной верности Даниилу. Как только позволили обстоятельства (т. е. после того как князья в безопасности вернулись к себе домой), они возобновили свои связи с Ольговичами и вновь заняли враждебную по отношению к Даниилу позицию. Тот отплатил им, вторгнувшись в их земли и попытавшись ограничить их власть и подорвать независимость. Эти карательные меры на время обезопасили его от набегов со стороны болховских князей³², хотя так и не смогли остановить Ростислава Михайловича от возобновления его претензий на контроль над Галичем.

Летописец сообщает, что, не сумев взять Бакоту, Ростислав вместе с боярином Володиславом Юрьевичем напали на Галич и взяли город. Тысяцким Ростислав назначил Володислава³³. Весной 1242 г., после того как Даниил и Василько узнали о взятии Галича, они выступили против Ростислава. Не имея возможности противостоять их атаке, последний вместе с епископом Артемием и другими горожанами бежал из Галича. Романовичи, преследуя беглецов, узнали о том, что татары покинули Венгрию и направляются на восток через галицкие земли. Эта новость, объясняет летописец, спасла Ростислава от Романовичей, и он смог убежать в Венгрию³⁴.

Изгнав Ростислава из Галича, Даниил попытался восстановить в княжестве порядок. Судя по всему, он постарался избавиться от всех сторонников Ольговичей. Внимание его было приковано к Понизью, в первую очередь к городам Бакота и Калиус³⁵. Следовательно, можно предположить, что вновь на повестке дня встал вопрос о соляных ресурсах. Кроме того, летописец считал важным отметить, что особые карательные мероприятия были предприняты Даниилом в отношении города Перемышля, где местную оппозицию возглавляли епископ и некий князь Константин Рязанский, союзник Ольговичей³⁶.

Известие о том, что епископы Галича и Перемышля, бывшие единственными епископами в Галицком княжестве, поддерживали Ольговичей, предполагает, что они из-за чего-то явно были настроены против Даниила. Как ни странно, основные их страхи никак не были

связаны со его стремлением установить тесные связи с Венгрией, хотя это и означало бы рост влияния в Галицкой Руси римско-католической церкви. Как мы уже видели, они поддерживали Ольговичей, которые заключили союз с Белой IV и призвали венгров защищать Галич. Хотя летописец и не объясняет причин такой враждебности епископов по отношению к Даниилу, возможно, что он или конфисковал церковные земли, или же каким-то другим способом ограничил их церковную власть, пытаясь восстановить собственный контроль над Галичем. Есть все основания предполагать, что князь был заинтересован в том, чтобы влиять на руководство церкви. Это следует уже из того, что, когда после разграбления татарами Киева 6 декабря 1240 г. он был в Холме, его сопровождал митрополит Кирилл. Его, судя по всему, именно Даниил мог назначить на этот пост³⁷. Следовательно, оба епископа, желая защитить свою независимость и укрепить связи с митрополитом, обратились за поддержкой к Михаилу, чья политика по отношению к церкви была гораздо более мирной. Даниил, однако, сумел подавить их сопротивление и к 1242 г. восстановил свою власть над галицкой землей.

Татары попытались выступить против Даниила вскоре после того, как тот подавил внутреннюю оппозицию в Юго-Западной Руси. Когда князь находился в Холме, один из его шпионов, половец, сообщил ему, что Батый возвращается из Венгрии и выслал перед собой двух военачальников со специальными отрядами, чтобы разыскать Даниила. Князь укрепил Холм и отправился к своему брату Василько³⁸. Эта информация весьма показательна. Из нее следует не только то, что Батый в общем имел представление о местонахождении Даниила, но и то, что хан, послав за ним двух своих военачальников, проявлял к нему особый интерес. Это последнее обстоятельство особенно важно. Судя по тому, что они не напали ни на один волынский город, главной целью их миссии было обнаружить Даниила. К сожалению, летописец не объясняет, зачем Батый хотел разыскать его.

В 1239 г., как уже отмечалось выше, Даниил был одним из трех князей, которые заключили договор с татарами. Условия, которые они приняли, вероятно, предполагали, что они не просто должны капитулировать перед ханом и принести ему клятву верности, но и, вполне возможно, снабжать его вспомогательными войсками или провизией. Так как в 1239 г. татарские войска так и не дошли до Волыни, Даниилу тогда, очевидно, не пришлось выполнять своих обязательств. Двумя годами позже, когда татары напали на Волынь, он находился в Венгрии. Следовательно, когда Батый возвращался из Венгрии, он вполне мог отправить войска на Волынь, чтобы напомнить Даниилу о его обязательствах. Даниил, однако, снова попытался избежать встречи с врагом, спрятавшись от него вместе со своим братом.

Тем временем в 1242 г., после того как Ростислав прибыл ко двору Бела, к его предложению король выказал большее расположение и согласился отдать ему в жены свою дочь³⁹. Мы не знаем, почему именно король решил все же согласиться на это предложение, отвергнутое им двумя годами раньше, во время первого визита русского князя. Однако, несомненно, на его позицию повлияло жестокое поражение, которое венгры потерпели от татар в битве при Мохи 11 апреля 1241 г.⁴⁰ В 1240 г., когда идею брачного союза озвучивал Михаил, Черниговское княжество уже было разорено татарами, а Венгрия все еще оставалась нетронутой. К 1241 г. татары разорили уже и Венгрию, и то тяжелое положение, в котором оказался Бела, напоминало положение Ольговичей. Более того, сын Михаила, ставший главным соперником Даниила в борьбе за галицкий престол, мог оказаться прекрасным проводником венгерских интересов. Благодаря этому браку Бела IV, очевидно, пытался заполучить союзника, который в итоге мог бы контролировать буферную зону между Венгрией и татарами⁴¹.

Михаил отправился в Венгрию после того, как узнал о браке сына. Король и Ростислав, однако, «не встретили его с должными почестями». Разозлившись из-за поведения сына, Михаил вернулся в Чернигов⁴². Никаких объяснений такой позиции Ростислава источники нам не дают. Михаил, со своей стороны, посчитал такое поведение сына равнозначным измене. Отношения между ними испортились настолько, что, как сообщают источники, больше они никогда не встречались. Нет никаких летописных свидетельств и о том, что Ростислав возвращался в Чернигов. До самой смерти он жил в Венгрии, где король, его тесть, пожаловал ему различные титулы.

Покинув Венгрию, Михаил оставил не только своего сына при дворе венгерского короля, но и последнюю надежду вернуть контроль над Галицкой Русью. Ростислав, стоявший во главе политики, проводившейся в этом регионе Ольговичами с 1236 г., перестал представлять там их интересы, женившись на венгерской принцессе. Став зятем короля, он установил с Белой не только семейные, но и политические отношения. Он стал агентом венгерской экспансии в Юго-Западной Руси. Хотя король и считал себя официальным правителем Галицкой Руси, именно Ростислава он планировал сделать своим представителем в этом регионе⁴³. Следовательно, эта измена Ростислава означала завершение вмешательства Ольговичей в дела Юго-Западной Руси.

Контроль Михаила над Галицкой Русью был подорван из-за вмешательства с нескольких сторон. В 1239 г. татары нанесли неопишуемый урон его силам, разорив его вотчину - Чернигов. Заключив союз с тремя могущественными князьями, правившими в Южной и Юго-Западной Руси, они к тому же добились изоляции Михаила, лишив

его возможной поддержки других князей. Наконец, в следующем году татары разорили Киев, лишив князя ресурсов и этого города. Даниил также сыграл свою роль в ослаблении власти Михаила над Галицкой Русью. Он не только изгнал из Галича Ростислава в конце 1230-х гг., но и сумел навсегда прогнать его из галицких земель в 1242 г. Более того, заставив Ростислава бежать в Венгрию, он, пусть и косвенно, добился того, что тот предал интересы Ольговичей. После второго бегства Ростислава Даниил избавился и от мятежных бояр, поддерживавших Ольговичей, тем самым обезопасив свою власть над Юго-Западной Русью. Окончательно устранило претензии Михаила на Галицкую Русь неожиданное решение Ростислава перейти на сторону Венгрии. Его предательство стало тройным ударом для Михаила: во-первых, он лишился своего наиболее опытного агента влияния в Юго-Западной Руси; во-вторых, потерял надежду на столь нужный союз с Белой IV; в-третьих, это предательство стимулировало возрождение претензий венгерского короля на Галицкую Русь.

Даниил избавился от противостояния с Михаилом, но его права на Галич, пусть и в роли венгерского агента, все еще оспаривал Ростислав. Опираясь на силы королевского войска, тот предпринял две безуспешные попытки захватить галицкие земли. Первая неудачная атака состоялась вскоре после того, как его отец вернулся в Чернигов⁴⁴. В 1245 г. он предпринял второй поход против Романовичей, в котором его сопровождали венгерские и польские отряды. Он осадил город Ярославль на реке Сан к северу от Перемышля, однако его армия была разбита объединенными войсками Романовичей и половцев. Множество венгров и поляков было взято в плен, Даниил приказал казнить значительное число венгров. Собственноручно он расправился с неким венгерским военачальником. Галицкий боярин Володислав Юрьевич, переходивший то на сторону Даниила, то на сторону Ростислава, также попал в плен и был казнен. Ростислав, однако, сумел бежать в Венгрию. Летописец сообщает, что Даниил одержал свою славную победу 17 августа 1245 г.⁴⁵

Поражение Ростислава под Ярославлем завершило между ним и Даниилом вражду из-за Галича. Резкие и драматические действия, связанные с казнью такого количества пленных врагов, давали понять и галицким боярам, и венграм, что Даниил полон решимости любой ценой сохранить контроль над Галичем. И его меры дали желаемый результат. Казнь боярина Володислава означала уничтожение последнего эффективного источника оппозиции в самом Галиче, а ликвидация венгерских пленников предостерегала Белу IV от новых проявлений враждебности. Судя по всему, после разорения Венгрии татарами основной задачей короля стало восстановление порядка

внутри собственных владений. Нашествие, за которым последовали эпидемия и голод, стоило Венгрии примерно половины ее населения⁴⁶. Очевидно, дальнейшие потери, вроде тех, что венгры уже понесли после поражения при Ярославле, в то время были для короля слишком высокой ценой за установление контроля над Галичем. Вместо продолжения конфликта король заключил с Даниилом мир и, по-видимому, попытался составить военно-политический союз, скрепленный династическим браком⁴⁷. Таким образом, после поражения Ростислава ни венгры, ни Ольговичи не могли вернуть себе власть над княжеством. Казалось, что Даниил стал неоспоримым претендентом на галицкий престол.

Однако даже эта победа не гарантировала сохранения его власти над Галицкой Русью. Летописец сообщает, что татарский военачальник по имени Могучей потребовал, чтобы Даниил передал власть над Галичем ему⁴⁸. Даниил же не хотел отдавать «половину своей вотчины». Он решил отправиться к хану Батю за ярлыком на Галич. В путь он тронулся 26 октября 1245 г., в праздник св. Дмитрия⁴⁹. По пути в Сарай, столицу хана, он посетил Киев, а затем прошествовал к волжскому лагерю Батю. В гостях у хана он провел 25 дней. Визит, казалось, прошел успешно: Батый пообещал ему ярлык на правление в волынской и галицкой землях⁵⁰. После того как Даниил получил ханский ярлык на правление галицкой землей, всякие устремления Михаила вернуть себе контроль над Юго-Западной Русью могли быть забыты раз и навсегда.

Перевод с английского В.Г.Ананьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипатьевская летопись ошибочно сообщает под 1234 г. о нападении татар на Чернигов, имевшем место в 1239 г. См.: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2 (далее – Ил). Стб. 772. См. также: *Dimnik M.* The Siege of Chernigov in 1235 // *Mediaeval Studies*. Toronto, 1979. Vol. 41. P. 387-403.

2. *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246. Toronto, 1981. P. 85-87; *Майоров А. В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2009. Т. LX. С. 311-326.

3. Ил. Стб. 783. Летопись помещает это известие под 1238 г. Однако, как отмечалось выше, Михаил бежал в Венгрию зимой 1239–1240 гг. Отказ Белы IV удовлетворить просьбу Михаила отнюдь не означает, что венгерский король в это время был настроен более дружелюбно по отношению к Даниилу. До падения Киева сам Даниил ездил в Венгрию и просил короля выдать его дочь за своего сына Льва. Бела отверг и это предложение. См.:

там же. Стб. 787. См. также: Стб. 809 под 1250 г.

4. Ил. Стб. 782. Подробнее об этих событиях см.: *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1 (5). С. 33-94. См. также: *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 43-113.

5. Ил. Стб. 782-783; Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1 (далее – Лл). Стб. 469.

6. Ил. Стб. 783.

7. Так как Михаил не мог вернуться в Киев, Даниил позволил ему и Ростиславу поселиться где-то в волынских землях. См.: там же. Стб. 783. Летописных свидетельств о том, что местом их пребывания стал Луцк, у нас нет.

8. Пять лет спустя, в 1245 г., галичане будут высказывать сожаление из-за того, что Даниил не укрепил свои земли. См.: там же. Стб. 805-806.

9. Подробнее см.: *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 4. С. 56-72. См. также: *Майоров А.В.* Последний рубеж западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 2. С. 6-12.

10. Ил. Стб. 784-787.

11. Лл. Стб. 460-467.

12. Там же. Стб. 465-466.

13. Судя по всему, к 1241 г. Даниил уже не считал Владимир своей столицей. Как мы отмечали, его резиденция располагалась в Холме, к северо-западу от Владимира. По крайней мере, так было в 1238 и 1239 гг., когда галичане сообщили ему, что Ростислав выступил в поход против литовцев. См.: Ил. Стб. 777. Когда в 1241 г. Даниил вернулся на Волынь, он вновь отправился в Холм, который «Бог упас от безбожных татар». См.: там же. Стб. 788-789.

14. Там же. Стб. 786.

15. Новую интересную гипотезу, объясняющую развитие отношений Даниила Галицкого с татарами накануне и во время нашествия Батыя на Южную и Юго-Западную Русь, см.: *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 1. С. 53-77.

16. Ил. Стб. 783-784. Летопись сообщает об этом под 1238 г. Однако Киев был захвачен 6 декабря 1240 г. Михаил с сыном, следовательно, должны были отправиться на Волынь в конце 1240 – начале 1241 г.

17. Там же. Стб. 787-788.

18. Там же. Стб. 789.

19. Там же. Стб. 784.

20. Там же. Стб. 788-789. Летописец ошибочно датирует возвращение Михаила на Русь 1240 г. Так как после битвы при Лигнице он был все еще вместе с поляками, то и вернуться домой должен был только после апреля 1241 г.

21. Об этом конфликте см.: *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov... P. 60-61.

22. Согласно летописи, Даниил во время татарского нашествия на Волынь пытался найти убежище у сына Конрада Мазовецкого Болеслава. Он вер-

нулся после ухода татар. Более того, он вернулся раньше Михаила, так как был оскорблен, что тот не нанес ему визит во время своего возвращения из изгнания. См.: Ил. Стб. 787-789.

23. Южный район княжества, или Понизье, состоял из нескольких городов: Калиуса, Ушицы, Бакоты, Онута, Васильева, Коломая. Они представляли собой заслон от нападений степных кочевников. Хотя эти города и входили в состав Галицкого княжества, тесной связи между ними и центральной властью не существовало. В XII в. этот район называли Галицкая Украина, а в XIII в. он был известен уже как Понизье. См.: *Раннопопм П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1967. № 140. С. 177.

24. Ил. Стб. 790. Судя по данным XI в., Галицкое княжество было главным источником соли для большей части Руси. В то время если галицкие князья «запрещали купцам выходить из Галича, а лодкам плыть из Перемышля, не было соли нигде в русской земле». См.: *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. [Киев, 1930.] С. 151-152. Размах галицкой торговли солью виден и по масштабам местных торговых караванов. Так, например, под 1164 г. летописец сообщает о том, что, когда Днестр вышел из берегов, этот потоп угрожал жизням более чем 300 человек, везших соль из города Удеха, вероятно, расположенного в Понизье. См.: Ил. Стб. 524.

25. Там же. Стб. 789. Летопись ошибочно помещает это известие под 1240 г. Однако галицкие бояре, вероятнее всего, смогли установить контроль над территорией княжества лишь после бегства Даниила к полякам в начале 1241 г.

26. Там же. Стб. 789.

27. Там же. Стб. 790-791.

28. Там же. Стб. 791. В литературе высказывалось мнение, что печатник Кирилл был тем самым человеком, который в начале 1240-х гг. возглавил Киевскую митрополию. Но аргументы в пользу такой гипотезы неубедительны. См., напр.: *Fuhrmann J. T.* Metropolitan Cyril II (1242 – 1281) and the Politics of Accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Wiesbaden, 1976. Band 24. S. 161-163.

29. Ип. Стб. 791. К числу болховских городов принадлежали Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Бужский. Они располагались в юго-западной части Киевского княжества и граничили с волынской и галицкой землями. Эти города находились на севере и востоке от Межибожья, которое располагалось в верховьях Южного Буга. Южную границу болховских земель, вероятно, как раз и составляла эта река. К северу от них лежали города Колодяжен и Каменец. См.: *Раннопопм П. А.* Города Болоховской земли // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1955. Т. 57. С. 52-59.

30. Ил. Стб. 791-793.

31. Там же. Стб. 774-775.

32. Судя по всему, карательные меры Даниила против «князей Болохова» не предотвратили их дальнейших враждебных действий против него. По крайней мере, под 1257 г. в летописи содержится информация о том, что

Даниил вновь приказал разорить болоховские земли. После этого все «болоховцы» перешли к нему, вероятно, признав его своим князем. Это последний случай упоминания болоховских земель в летописи. См.: там же. Стб. 838.

33. Согласно летописи, Володислав колебался между Даниилом и Ростиславом. В 1229 г. он воевал на стороне Даниила (См.: там же. Стб. 759). В 1231 г. в одном случае он называется предателем Даниила (См.: там же. Стб. 764), а в другом получает от князя назначение командовать его войсками (См.: там же. Стб. 766). В 1241 г., однако, он помогает Ростиславу установить контроль над Галичем (См.: там же. Стб. 793), а в решающей битве 1245 г. он вновь рядом с Ростиславом. Одержав победу, Даниил велел казнить боярина. См.: там же. Стб. 804-805.

34. Там же. Стб. 793. Хан Угедей умер 11 декабря 1241 г. См.: *Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223-1502* [Wiesbaden, 1965]. S. 24. Батый узнал об этом в Европе ближе к концу марта 1242 г. и решил возвращаться на восток. Следовательно, бегство Ростислава из Галича должно было произойти не раньше марта 1242 г. Ипатьевская летопись ошибочно помещает сообщение о нем под 1243 г. См.: Ил. Стб. 794.

35. Там же. Стб. 793.

36. Там же. Стб. 793-794. Это единственное упоминание в летописи о князе Константине.

37. Там же. Стб. 794. О митрополите Кирилле см.: *Голубинский Е. История русской церкви*. М., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 50-89.

38. Ил. Стб. 794.

39. Там же. Стб. 794. Как мы уже отмечали, Ростислав бежал в Венгрию, вероятно, после марта 1242 г. Однако точная дата заключения этого брака неизвестна. Так как король, судя по всему, не возражал против этого союза, скорее всего, он был заключен вскоре после прибытия Ростислава к венгерскому двору.

40. Там же. Стб. 786-787. О походе Батыя на запад см.: *Vernadsky G. The Mongols and Russia*. New Haven, 1953. P. 52-58.

41. К.Э. Маккартни отмечает, что после разорения Венгрии татарами король организовал совершенно новую систему обороны, основанную на линии крепостей. Более того, «с юга и востока Венгрию окружало кольцо «банатов» или зависимых от нее государств, к числу которых принадлежали Босния и север Сербии, Северин, Кумания (позднее – Валахия) и Галиция». См.: *Macartney C.A. Hungary, A Short History*. Edinburgh, 1962. P. 33-34.

42. Ил. Стб. 795. Хотя летописец помещает это известие под 1245 г., едва ли Михаилу понадобилось два года, чтобы узнать о браке собственного сына. Вероятнее всего, он получил известие о случившемся вскоре после того, как союз был заключен, и сразу же отправился в Венгрию. В летописи написано, что Михаил «бежал в Венгрию», но не уточняется – бежал ли он из Киева или из Чернигова. Однако известие о том, что из Венгрии он вернулся в Чернигов, позволяет предположить, что Киев к тому времени уже находился в руках Ярослава Всеволодовича, который получил от Батыя ярлык на киевское княжение. Ярослав отправился в Сарай зимой 1242 – 1243 гг. и, судя по всему, вернулся на Русь в начале 1243 г. Следовательно, после этого

Михаил должен был вернуться в Чернигов. О датировке визита Ярослава см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 271.

43. Согласно венгерскому источнику, Бела называл себя «королем Венгрии, Далмации, Хорватии, Боснии (Рамы), Сербии, Галиции, Владимира (Лодомерии) и Кумании». См.: *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, ed. G. Fejér, Buda, 1829. T. IV. Vol. 1. P. 577. Во фрагменте 1245 г., в котором король Бела IV восхваляет подвиги некоего мастера Лоуренса, он говорит о «нашем возлюбленном зяте Ростиславе (Ратислао), князе Галиции». См.: *Ibid.* P. 396.

44. Ил. Стб. 797.

45. Там же. Стб. 804-805.

46. *Macartney C.A.* Hungary, A Short History. P. 33.

47. Ил. Стб. 809. Интересную реконструкцию событий 1245 – 1246 гг. см.: *Майоров А. В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 3. С. 54-77.

48. Там же. Стб. 805-806.

49. Вероятнее всего, это был праздник св. Дмитрия Солунского, отмечаемый 26 октября. Такую дату подтверждает и рассказ монаха Джованни ПIANO Карпини, который посетил Батюгу после Даниила. Монах отправился из Лиона 16 апреля 1245 г. По пути он посетил Германию, Богемию и Польшу. В Польше он встретился с Василько Романовичем и узнал от того, что его брат Даниил как раз в это время отбыл к хану. Пробыв некоторое время у Василька на Волыни, монах прошел через город Данилов, где его, почти умирающего, на повозке везли по чрезвычайно холодному и глубокому снегу. См.: *Plano Carpini de J.* The Journey of Friar John of Pian de Carpini to the Court of Kuyuk Khan 1245-47 as narrated by himself, ed. and trans. W.W. Rockhill. London, 1900. P. 1-4. Если он был в Данилове зимой 1245 – 1246 гг., следовательно, Даниил должен был отправиться в путь через некоторое время после своей победы при Ярославле 17 августа и до начала зимы. Дата 26 октября 1245 г., таким образом, выглядит весьма правдоподобной.

50. Ил. Стб. 805-808.

References

Berezhkov N.G. Hronologija russkogo letopisanija [Chronology of Russian chronicles], M., 1963.

Dimnik M. The Siege of Chernigov in 1235, Mediaeval Studies, Toronto, 1979, vol. 41, pp. 387-403.

Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246, Toronto, 1981, pp. 85-87.

Fuhrmann J.T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1976, Band 24.

Golubinskij E. Istorija russkoj cerkvi [History of the Russian Church], M., 1900, t. 2, ch. 1.

Macartney C.A. Hungary, A Short History, Edinburgh, 1962.

Maiorov A.V. Letopisnye izvestija ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentarija k Galicko-Volynskoj letopisi) [Chronicles about the defense of Chernigov from the Mongol-Tatars in 1239 (from the commentary to the Galicia-Volyn chronicle)], Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN, SPb., 2009, t. LX, pp. 311-326.

Maiorov A.V. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' pervaja [Tale of the invasion of Batu in Hypation chronicles. Part One], Rossica antiqua, 2012, № (5), pp. 33-94.

Maiorov A.V. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' vtoraja [Tale of the invasion of Batu in Hypation chronicles. Part Two], Rossica antiqua, 2012, № 2(6), pp. 43-113.

Maiorov A.V. «Korol' Rusi» v bitve na Lejte [«The king of Russia» in the battle of leitha], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, № 3 (29), pp. 54-77.

Maiorov A.V. Mongolo-tatary v Galicko-Volynskoj Rusi [Mongol-tatars in the Galicia-Volyn Rus], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, № 4 (30), pp. 56-72.

Maiorov A.V. Daniil Galickij i «princ Tartar» nakanune nashestvija Batyja na Juzhnuju Rus' [Daniel of Galicia and the «prince of Tartar» before the invasion of Batu in South Russia], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 1 (31), pp. 53-77.

Maiorov A.V. Poslednij rubezh Zapadnogo pohoda Batyja i Karpato-Dunajskie zemli [Last frontier western batu's campaign and the carpathian-danube earth], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 2 (32), pp. 6-18.

Plano Carpini de J. The Journey of Friar John of Pian de Carpini to the Court of Kuyuk Khan 1245-47 as narrated by himself, ed. and trans. W. W. Rockhill. London, 1900.

Rapport P.A. Goroda Bolohovskoj zemli [The City of the Bolokhovskaya land], Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah instituta istorii material'noj kul'tury, M., 1955, t. 57, pp. 52-59.

Rapport P.A. Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel' X-XIV vv. [Military architecture western Russian lands 10-14 centuries], L., 1967 (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 140).

Vernadsky G. The Mongols and Russia, New Haven, 1953.

Димник Мартин – Ph. D., профессор, Канада, Папский институт медиевистики, Университет Торонто.

e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

Dimnik Martin – Ph. D., Professor, Canada, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, University of Toronto.

e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca